

АКТЕР XVIII ВЕКА

бург 18-летним юношей на ловлю счастья и чинов, привез туда из Москвы большое знакомство с театральным миром.

2

Дмитревского Жихарев узнал 72-летним старцем. «У Г. Р. Державина, — пишет он в «Воспоминаниях старого театрала», — познакомился я с Иваном Афанасьевичем Дмитревским, которого советами он руководствовался в сочинениях своих, назначаемых для сцены. Это было 2 января 1807 года.

...Основываясь на рассказах одного старого отставного (московского) суфлера В. А. Булова, известного под общим названием дедушки, который знал коротко всех артистов своего времени (с 1766 по 1803) и при ясном уме соединял необыкновенную в его лета память с детским простосердечием, я был давно предубежден против Дмитревского:

И. А. Дмитревский.

дедушка не любил его. «Куртизан (говаривал он), настоящий куртизан, эффектичка».

Но при первой встрече с Дмитревским предубеждения мои рассеялись совершенно; я не мог постигнуть, как этот знаменитый актер, слава русского театра, изучивший знаменитого Лекена, увлекательного Бригара, необъяснимого Гаррика, чувствительного Офрена, благородного Флоридора, милую Госсен, бурную Дюмениль, непогрешительно правильную Клерон, с которыми он был знаком дружески, как этот человек, один из старейших членов Российской академии, повидимому столь скромный, умный, начитанный, высокообразованный, мог в искусстве своем удалиться от природы и гоняться за одними эффектами, а в общественных сношениях своих унижаться до притворства и лести.

Державин представил меня Дмитревскому как молодого писателя с огромным трагическим талантом. «Он сочинил (говорила Гаврила Романович) бесподобную трагедию, в которой действие наводит ужас, а стихи так звучны, что, право, не понимаешь, откуда набрал он столько громких слов и сильных выражений. Это будущий Бобров» (Державин необыкновенно уважал Боброва).

Вследствие этой рекомендации Дмитревский просил прочитать ему мою трагедию и пригласил меня к себе на другой день утром.

...По желанию его я начал читать тихо и в конце первого действия имел несказанное прискорбие видеть Дмитревского спящим. Я остановился, но эта внезапная остановка чтения пробудила старика, который спросонья положил мне руку на колено и вскрикнул:

— Прекрасно, душа, прекрасно! Продолжайте, очень, очень хорошо. Да на каком, бишь, это мы действии остановились?

При этом вопросе у меня замер-

ло сердце и опустились руки; я хотел было сложить тетрадь свою, но Дмитревский настоял, чтобы я непременно продолжал чтение. Как-как добрался я до конца своей пьесы при беспрестанных восклицаниях старика: «Прекрасно, бесподобно, восхитительно» и проч. (произносившихся им вероятно для того, чтобы опять не заснуть), но добрался сконфуженный и читал так вяло, что сам чуть было не уснул от скуки.

Однако ж надобно было вывести из этого чтения какой-нибудь результат, и я решился просить Дмитревского, чтобы он откровенно сказал мне свое мнение, заслуживает ли мой «Артабан» быть представленным на театре.

— А вот видите, душа, — отвечал он мне чрезвычайно ласково, — молвить правду-матку, пьеса-то ваша при всех достоинствах немного длинновата, публика не очень ее поймет: ведь она у нас такая прихотливая... а к тому же, пусть только это останется между нами, публика не имеет достаточной образованности, чтобы возвыситься до вашей пьесы, для которой нужна скорее публика французская: вот она-то бы уж похлопала и наверное наградила бы вас вызовом».

3

Так же увертливо ответил Дмитревский на вопрос о «расположении трагедии, о трактации, сюжете, о стихах» Жихарев ушел от Дмитревского совершенно разочарованный насчет огромности трагического своего таланта и вспоминал справедливость слов В. А. Булова. «Впрочем, — говорит Жихарев, — каковы бы ни были причины, заставлявшие Дмитревского действовать таким образом, нельзя не пожалеть, что по свойству его характера и образа мыслей все приобретенные им глубокие сведения о театре и сценическая опытность пропали для современников даром. Покойный

Аполлон Александрович Майков (крупный театальный деятель начала XIX столетия) справедливо заметил, что Дмитревский «похож на заколдованный сундук, в котором перемешано множество драгоценных вещей с разной ветошью и всяким хламом; этот сундук открывается для всякого и всякому дозволяется рыться в нем и выбрать любимую тряпицу, но драгоценности ни за что никому не даются: они видны, но неуловимы».

Но Жихарев не прав в своем заявлении о бесплодности опыта Дмитревского. Не только великий поэт и плохой драматург Державин советовался с знаменитым актером относительно своих сценических писаний, Д. И. Фонвизин пользовался его указаниями при окончательной обработке «Недоросля», к его советам прислушивался драматург Я. Б. Княжич, на его уроках совершенствовались все виднейшие актеры второй половины XVIII столетия. Наконец его руководству русская сцена обязана появлением величайшего актера начала XIX столетия А. С. Яковлева.

Таланты и труды Дмитревского не пропали даром. Благодарное театральное потомство чтит его память. Правда, при обсуждении в конце 50-х годов XIX столетия проекта памятника 1000-летию России управявшие страной помещики с их прихвостнями отклонили предложение поместить на этом памятнике барельеф Дмитревского как величайшего деятеля театра: царям и вельможам неместно быть рядом с выходцем из низов. Зато в 1921 году советская страна в день столетия смерти Дмитревского устроила ему торжественные поминки с участием Академии наук, представителей театров и литературы, с постановкой «Недоросля» как бенефисной пьесы великого актера.

С. Штрайх

ЛЮБОПЫТНЫЙ рассказ С. П. Жихарева о знаменитом актере И. А. Дмитревском представляет интерес независимо от того, что он впервые включается вместе с «Воспоминаниями старого театрала» в издаваемое «Академией» полное собрание его «Записок-современника». Кроме своего богатого содержания эти записки имеют еще большее стилистические достоинства.

Год рождения великого актера точно не установлен, но в числе других дат, к которым приурочивается его 200-летний юбилей, называется 1934 год. Это также дает право помануть учителя нескольких поколений русских сценических деятелей и советника крупнейших русских драматургов.

Иван Афанасьевич Дмитревский родился в Ярославле, в семье священника Дьяконова-Нарыкова и еще семинаристом выступал на женских ролях в труппе основателя русского театра Ф. Г. Волкова. Выписанный в 1762 году поведением императрицы Елизаветы вместе с другими ярославскими лицедеями в Петербург, Дмитревский при учреждении в 1766 году императорского российского театра получил звание «придворного актера», а после смерти Волкова унаследовал от него звание «первого российского актера придворного театра и всей театральной труппы инспектора», а затем стал членом Российской академии.

Жихарев, приехавший в Петер-